

Р

усская танкетка застряла в ключе ниже мытного колодца. Было непонятно, зачем танкисты поехали вдоль ручья, если выше была дорога, как и ручей, выходящая к Дону? «Наверное, — подумал пятилетний Павлик, одним из первых в селе оглядевший застрявшее диво, — танкисты не знали, что берег у ручья сильно крутой! Ведь громыхали они еще ночью. А может, у них все кончилось...»

Как же Павлику хотелось хоть бы ладошкой погладить машину! Но — как одному это сделать? Страшно ведь! И он побежал за Петькой.

А немцев еще не было. Все русские солдаты уже переправились через Дон, угнав и паром, и все лодки на другой берег. «Теперь и захочешь — не убежишь! — сказала утром мама бабушке и утерлась фартуком. — Все бабы — по садам-огородам. Все закапывают! Пойду и я, хоть «швейку» свою закопаю!» Чем и воспользовался Павлик, убежав со двора к мытному колодцу, где и увидел...

А Петька сам шел Павлику навстречу! Он был в три раза длиннее Павла, очень кадыкастый, но такой же тощий и бледный, как и его друг — пацаненок.

— Там — настоящий танк! — сразу выпалил новость Павлик. И показал рукой себе за спину.

— Брешешь? — спросил недоверчивый Петька и, опустившись на корточках, испытующе поглядел в глаза Павлику.

— Петь... ты че-е...

Петька поднялся, взял «друга» за ладошку, сказал:

— Ладно, пошли...

Танкетка стояла кособоко — левая гусеница на берегу, правая почти вся в воде. Оба люка — верхний и передний — были открыты. Внутри еще пахло пороховым дымом — ведь его никогда не спутаешь с соломенным или кизяковым. В одном пулемете торчала расстрелянная лента, а на другом — крепко сидела сковорода-шляпка. Только в короткой пушечке, торчавшей из башенки почти в небо, в сторону дороги, не было ни одного снарядика.

Педали перед водительским сиденьем, рычаги с рубчатыми рукоятками справа и слева — все мягко двигалось, как и пулеметы, и пушка с башней. Но что бы ни нажимал Павлик — ничто не срабатывало.

И Петька тоже на все нажимал, но и у него ничто не срабатывало!

— Ладно, — сказал Петька, вылезая с самого дна танкетки, где было сидение водителя. — Сейчас...

И что-то у Петьки зацепилось за пулемет со сковородой. Пулемет щелкнул, и с него вдруг слетела шляпа-сковорода.

Петька оглянулся, взял в руки «сковороду», протянул ее к люку башни, куда глядел Павлик:

— Подержи! — приказал.

Павлик взял «шляпку» в руки и чуть не уронил, — такая она оказалась тяжелая; и в то же время такая гладкая, теплая! И с аккуратной прорезью-выступом в центре круга на одной стороне. А в прорези сверкал медью новенький патрон, которые у Павлика все отбирали почему-то, а он их находил больше всех!

Петька, выпрыгнув из башенного люка на броню, тут же отобрал у Павлика диск.

— Прыгай, — велел Павлику. — Сейчас будем разбирать... Оба слезли с танкетки и сели на траву. Петька сразу начал выковыривать из прорези видневшийся новенький патрон. Но его прочно удерживали два заусенца на выступах.

— А у него две жопки! — вдруг сказал Павлик и ткнул прутиком в пистон.

Что-то клацнуло, скрежетнуло внутри диска-тарелки, и патрон сам собой выскочил из прорези не вверх, куда его выковыривал Петька, а вперед.

Петька сразу догадался, как надо разряжать диск, но не сказал об этом Павлику — глупый еще! Поднял выскочивший патрон — порохом из таких в селе каждое утро многие растапливали печи, поджигая его трутом. Сунул в карман штанов:

— Пошли ко мне. Там разрядим и ... — сказал Павлику, который не отрывал глаз от руки друга с патроном в кармане.

— А мне дашь патронов? — слотнув слюну, спросил Павлик.

Прижимистый во всем, жадноватый Петька прикинул про себя что-то, вынул руку из кармана вместе с патроном. Вздохнул, разглядывая новенький патрон в своей руке. Решил: лучше этот единственный отдать Павлику, чтоб все остальные достались ему! И сказал:

— На, возьми! Только спрячь и никому не показывай. Охотников до патронов, знаешь, сколько?

И прижал диск-тарелку к своему боку, прорезью к себе.

У Павлика в штанах карманов не было, и он сунул патрон за пазуху, а локтем прижал его к телу, как Петька тарелку.

— Так не видно? — спросил друга, ожидая похвалы.

— Молодец. Ну, пошли! — не замедлил исполнить желание Павлика Петька и взял его ладошку в свою.

Петька рос в семье один, а у Павлика были сестры, с одной из которых Петька ходил в школу и которая ему очень нравилась, но она про это не знала. Зато Павлик сполна пользовался тем, что Петьке нравилась его старшая сестра, и он в это лето ни на шаг не отставал от Муравлева, даже когда тот в своем дворе занимался по хозяйству или в огороде.

На крестище, у колодца и на облоге возле пустого скотного двора, лежали и стояли кучками военные в не виданных ребятами желто-зеленых, как табачный лист, одеждах. Некоторые были полуголые; железное ведро, намертво прикованное к колодезной цепи, беспрерывно громыхало о деревянный сруб, с маху бросаемое в колодец. Дубовый барабан с намотанным на него стальным тросом глухо гудел, раскручиваясь без тор-моза...

Петька догадался, что это и есть немцы, про которых рассказывали наши отступавшие солдаты. Держа в одной руке круглый диск, а другой таща за собой перепуганного Павлика, Петька почти совсем прошел через крестище, как вдруг сзади громко залопотали и его крепко схватили за плечи. Страх тут же прорвался из Павлика слезами и ревом. Чьи-то руки сзади подхватили его под мышки, вынесли из толпы и поставили на дорогу. Павлик даже не оглянулся — кто же его вынес? — а побежал по дороге, продолжая реветь. Но тут патрон, забытый Павликом, вдруг скользнул из пазухи в правую штанину, клюнул пуленосиком в подъем стопы, заставив остановиться: что такое? Протер глаза — на дороге патрон! А что же с закадычным другом Петькой?..

Зажав обеими руками патрон, Павлик бочком-бочком сбежал с дороги в тень плетня, остановился, оглянулся: у Петьки отобрали диск и куда-то унесли. Потом стали о чем-то его расспрашивать, махая руками, а он явно ничего не понимал и все время неотрывно глядел на Павлика, словно что-то хотел передать. А Павлик глядел на Петьку, не понимая, что тот хочет ему сказать, а видел только солдат...

Тут два здоровенных солдата ухватились за Петькины плечи и повели в проулок, который вел на гору, мимо глубокого Матюнина яра. А избы его и Павлика были совсем в другом логу-распадке — за спиной у Павлика!

Павлик хотел пойти следом за солдатами с Петькой, но для этого надо было пересечь крестище, полное солдат. Страх перед ними стискивал сердечко, но он-таки пошел к колодцу маленькими шажками, неуверенно. Глазенки его метались по солдатам, и из-за этого он сразу потерял из виду своего друга-защитника. О нем ему напоминал теперь только патрон, стиснутый обеими ручонками и прижатый к груди.

Один из солдат — наверное, тот, который вынес Павлика из толпы, потому что он так и остался крайним, ближе всех к нему! — шагнул ему навстречу. Павлик остановился, вглядываясь в солдата — рыжего, будто вываленного в мякине, с коричневыми от сигарки усами. Одной рукой солдат подзывал Павлика, а другой рылся в глубоком кармане своих измятых штанов. «Обманывает! В штанах ничего нету, — решил Павлик. И догадался: — Из-за патрона! Отобрать его хочет, во-от...»

Павлик попятился. Когда же солдат начал вытаскивать левую руку из штанов, он развернулся кругом и что было сил побежал в свой лог, к своей и Петькиной избе. Сзади ему чудился редкий, гулкий топот желтых ботинок рыжего солдата. Каждое мгновение он ждал, что тот его вот-вот схватит, и он все надавал и надавал в беге, и будто даже не дышал, а воздух сам собою пронизывал его насквозь через легкие, и его было так много, что Павлик не мог из-за него закрыть рот и даже закричать...

А Петьку привели под огромную, развесистую грушу-дулину на краю Матюнина сада, у самого обрыва. Под деревом были вкопаны два стола со скамейками. На одном из них перед тремя военными с другими погонами, чем у солдат возле колодца, лежал его диск-тарелка. Петька догадался, что это командиры тех солдат, что у колодца обливались водой.

Два молодых командира, перебивая друг друга, что-то быстро-быстро говорили третьему, явно более старому, с сединой на аккуратно подстриженных черных висках и с очками, поднятыми на лоб. Этот старший кивал молодым, но смотрел на Петьку, щуря то один, то другой глаз в черных ресницах. Потом заговорил, а солдат справа от Петьки начал переводить:

— Ты есть партизанен! Кавари, кте твой товарисч? Кас-падин официрин тебя отпусайт, если покажи. Нет — будет стреляйт! Кавари!

Слово «партизан» Петька понял и без переводчика. Но он не знал никаких партизан, кроме самого себя, потому что так называла его мать, особенно когда он без спроса куда-нибудь убегал с ребятами или съедал хлеб, оставленный матерью на ужин.

— Я никого... я не партизан! — торопливо сказал Петька и заныл, как делал, бывало, Павлик: — Отпусти-ите! Я ничего-то не сде-елал!

Молодой офицер стремительно шагнул из-за стола, больно стиснул Петьке плечо и рывком дернул его к столу с диском, что-то спрашивая при этом.

— Что это? Ты это нес партизанен? — перевел вопросы молодого солдата за спиной у Петьки.

— Нет, нет! Я хотел порох... печку растопить чтоб! Не знаю партизан! — забормотал Петька, холодея от догадки, что эти подумали, будто он нес пулеметный диск партизанам. «Надо было Павлику...»

— Кде взял? — спросил за спиной переводчик.

Петька повернулся было к нему, но молодой командир так рванул его за руку, что показалось — выдернул ее из плеча.

— Ой-ей! — по-настоящему вскрикнул от боли Петька и затараторил: — В танкетке... там... у мытного колодца! Для пороха... мамке нечем печку растоплять! А я жгут от кремня запалю — и в порох. Он пшикнет — солома и загорается...

— Ты партизанен! — почти по-русски крикнул над ним молодой и дал подзатыльник. Потом залопотал по-своему, обращаясь к седому.

Седой молчал, глядя на Петьку уже не мигающими, а какими-то далекими, как небо над логом, глазами. Первому молодому ответил второй молодой, но первый стукнул по столу кулаком, выкрикнул одно шипящее слово и махнул в сторону оврага. Петьку тут же схватили сзади за плечи — это был второй солдат, пришедший с ним от колодца, — а переводчик так и остался стоять в трех метрах от стола.

За спиной Петьки спорили два молодых офицера, а седой почему-то молчал. Петька подумал, что он похож глазами и очками на лбу на их

директора школы Владимира Сергеевича, преподавателя литературы, выделявшего Петьку за память на стихи. А еще — за вопросы, которые он мог задавать учителю без конца по каждому новому произведению, прочитанному в хрестоматии. Владимир Сергеевич не раз заступался за Петьку перед другими учителями, особенно перед Галиной Ивановной, математичкой, которая так и норовила поймать Петьку на нечестности и списывании решений...

Солдат подвел Петьку к самому обрыву и резко повернул к себе лицом. Сам отошел ровно на десять шагов, повернулся кругом, снял с плеча винтовку. Перезарядил ее — нестреляный патрон отлетел далеко в сторону. Оглянулся на офицеров, держа винтовку в опущенных руках. «Надо было диск отдать Павлику! Его б не схватили. А я пожалел патронов — и вот... — додумал до конца свою мысль Петька, мелькнувшую у него еще среди солдат на крестище. — Он уж небось дома, а я вот...»

И вдруг испугался, что соседский мальчишка расскажет его матери о случившемся. А мать, как всегда, когда ее чем-нибудь напугают, заругается и непременно побежит к колодцу, где много солдат. Там начнет скандалить, и ее тоже больно схватят за плечи, как его, а в ней почти нету тела, только маленькие косточки...

Возле стола спор стих — там совсем неслышно говорил седой, кивая головой на диск, а затылком — в сторону Петьки. Солдат вскинул приклад к плечу, а ствол с черным кругом и мушкой над ним направил прямо в лоб Петьке. Тот непроизвольно дернулся, закрыл ладонями глаза, лоб и немного щеки и совершенно спокойно подумал: «Он что, сбесился? В меня целится... — И только тут его будто кто ударил по сердцу. — Да ведь это расстрел!»

Он вдруг отчетливо увидел, как после всего, что сейчас произойдет, к дулине и офицерам от крестища прибежит его мать с растрепанными волосами и в разорванной одежде, такой, какой вырвется из рук солдат у колодца. Кинется в первую очередь к офицерам, голося и ломая руки, а то и бухнется на колени, как было однажды, когда незадолго до войны у них за недоимки и неуплату налога пришли забирать единственную кормилицу — козу Зойку. Потом ее взгляд остановится на нем, растянувшимся на траве ногами к обрыву, а головой вон к той зеленой дуле, — Петька почему-то был уверен, что после выстрела непременно упадет вперед, а не назад! И тогда произойдет такое...

У Петьки затряслись ноги, колени стали подгибаться, а перед глазами запрыгали, замерцали, поплыли ромбы и звезды — зеркальные, цветные, потом все темнее, темнее...

Но тут седой командир что-то крикнул солдату, целившемуся в Петьку, и тот опустил винтовку. Оглянулся на офицеров, пожал плечами и пошел вправо, шаря взглядом по земле. Поднял целый патрон, сказал в сторону Петьки короткое слово, похожее на гусиное «кряк». И повел винтовкой в сторону стола и офицеров.

А Петька не мог пошевелить даже пальцами, не то что сдвинуть ноги. И солдата он видел как в тумане. Но когда тот медленно — очень медленно! — пошел к нему, закидывая винтовку за плечо, он встретился с его взглядом — тяжелым и недобрый! — тут у Петьки мгновенно застучало сердце, кровь хлынула в ноги и в голову, а из глаз исчез туман. Он пошатнулся было к обрыву, но тут же ринулся от оврага к столу.

— Разряжайть! — велел Петьке переводчик.

А первый молодой командир уже протягивал ему его диск. «А то б вам не хрен!» — мгновенно сообразил в чем тут дело Петька. И вместо того, чтобы трясущимся пальцем, как Павлик прутиком, вытолкнуть патрон из прорези вперед, начал тянуть его за пуленосик вверх, как делал это возле танкетки.

— Молотком надо, — повторил свои же слова, оглянувшись на переводчика. — Дома я бы молотком! — пробормотал, уже глядя в стол. И услышал, как переводчик перевел это командирам.

Первый молодой отобрал у Петьки диск, положил его на стол, потом взял его сзади за плечи и повел вон из сада. На обочине дороги толкнул под зад коленом, а затем надал еще пинком, и полетел в дорожную пыль ласточкой несостоявшийся партизан.

— Кур-рва! — отчетливо произнес молодой командир и добавил еще слово, наверное, тоже ругательное.

Содранная кожа на лбу, носу и на подбородке мгновенно засочилась кровью. Но боли Петька не чувствовал. Он вскочил на ноги и ринулся вниз, к крестицу, больше всего боясь, как бы ему не выстрелили в спину.

На повороте проулка дорогу Петьке преградил рыжий солдат, весь будто в мякине, с коричневыми от сигаретного дыма усами. Петька попытался обежать его слева, потом справа — не удалось. И он остановился, с трудом переводя дыхание. А кадык на его тонкой и длинной шее челноком сновал вверх-вниз.

Солдат присел перед ним на корточки — глаза обоих оказались на одном уровне. Петька с удивлением увидел, что солдат вовсе не рыжий, а весь седой и не запяленный, а будто в пуху от светлых-светлых и блестящих волосинок на очень бледном, совсем не загорелом лице и шее. От него пахло сигаретами и мятой.

Солдат полез в карман брюк, достал оттуда две аккуратных трубочки в красивой блестящей бумаге. Протянул их Петьке. А Петька знал, что внутри трубочек мятные конфеты-кругляши.

— Тебе и твой друг! — сказал по-русски солдат и показал пальцем на свой лоб и нос. — Кров! Бегай матка! Печка сиди... паф-паф — о-о! — Покачал головой и медленно распрямился, что-то бормоча по-своему. Добавил, поправляя ремень винтовки на плече: — Мэй — мадьяр. Немец — паф-паф, не попадай!

И пошел вверх по дороге, неся на сугорбой спине будто невероятно тяжелую винтовку. «Такие ж вы, мадьяры! Чуть не застрелили, гады!» — подумал Петька и не побежал вниз, к крестицу, а нырнул в огород — от греха подальше. Про себя же прикидывал: отдать Павлику трубочку конфет, как велел солдат, или выменять на нее единственный патрон, оставшийся у обоих от целого пулеметного диска? Раньше, до этого несостоявшегося расстрела, Петька непременно выменял бы патрон на конфеты! Но теперь... теперь...